

БОЧКАРЁВА Елена Владимировна

**НАРЕЧИЕ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ
(ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И СТРУКТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2008

Безусловно, вышеперечисленные труды вносят существенный вклад в развитие современной диалектологической науки, но не в полной мере компенсируют имеющиеся в этой области «пустоты». В лингвистических исследованиях в рамках диалектологии на начало XXI в. проблемными остаются вопросы семантической детализации отдельных разрядов наречий и морфемного членения слов данной части речи. **Актуальность** нашего исследования помимо вышеуказанного обусловлена и тем, что на сегодняшний день нет работ, посвященных детальному описанию наречий в донских говорах.

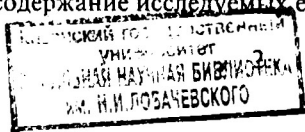
Адвербиальная лексика выражает такие значимые понятия, как «время» (*давно, утром, ежегодно* и т. д.), «пространство» (*вверху, издалека, внутри* и др.), «количество» (*вдвоём, вдвое* и др.), принадлежащие к определяющим категориям человеческого сознания, в каждой отдельной культуре они связаны между собой и образуют «модель мира» — своего рода «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании (Гуревич 1969). Состав лексико-семантических групп (ЛСГ) наречий в нашем материале неоднороден в количественном аспекте: одни ЛСГ распадаются на несколько лексико-семантических подгрупп (ЛСПГ), другие — представлены единичными лексемами. Наличие в говорах отдельных объемных ЛСГ непосредственно связано с такими экстралингвистическими факторами, как история, культура, образ жизни диалектоносителей; следовательно, ряд анализируемых слов служит источником этнокультурной информации, «культурным кодом», хранящим в себе особенности казачьего быта.

Объектом исследования является лексико-грамматическая категория «наречие» в донских говорах.

Предмет настоящего исследования — семантика, этнокультурное своеобразие диалектных донских наречий и составляющие их деривационную систему макро- (словообразовательный тип, модель) и микро- (производное слово, словообразовательный формант) единицы.

В основу работы положена следующая гипотеза: лексико-грамматическая категория «наречие» в донских говорах обладает деривационным и этнокультурным своеобразием (последнее обусловлено как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами), что находит отражение в лексическом составе и семантике адвербиальных единиц.

Цель работы — выявить семантические и структурные особенности диалектных наречий в донских казачьих говорах, а также этнокультурное содержание исследуемых единиц.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

1. Проанализировать семантику диалектных наречий в сравнении с тождественными лексическими единицами в современном русском литературном языке.

2. Сопоставить семантику донских наречий и их эквивалентов в других русских говорах, охватывающих различные диалектные регионы: севернорусские (архангельские и ярославские говоры), южно-русские (рязанские говоры) и среднерусские (говоры Подмосковья).

3. Рассмотреть пути пополнения класса диалектных наречий в донских говорах.

4. Определить частеречную принадлежность и сферу употребления слов, мотивирующих диалектные донские наречия.

5. Выявить специфические для наречий донских говоров словообразовательные типы, модели и средства.

Методологической базой исследования являются лингвофилософские положения о взаимодействии языка и культуры, постулат о связи содержания и формы, философско-материалистическое учение об изменении и развитии языка.

Теоретическую основу исследования представляют фундаментальные работы в области лингвокультурологии (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.), этнолингвистики (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, М. М. Копыленко и др.), языковой картины мира (Н. И. Толстой, А. Д. Шмелёв, Е. С. Яковлева и др.), словообразования (Е. А. Земская, И. С. Улуханов, А. Н. Тихонов и др.), а также учение о диалекте как территориальной разновидности языка и хранилище его истории, разработанное в трудах Р. И. Аванесова, Л. И. Баранниковой, Л. Л. Касаткина, Р. И. Кудряшовой, Л. М. Орлова и др., идеи тематического, лексико-семантического группирования лексики, формулируемые Л. М. Васильевым, Ю. Н. Карауловым, Г. С. Щуром и др.

Реализация поставленных задач осуществляется посредством следующих методов и методик: а) сбор материала проводится с помощью таких приемов, как беседа, прямой опрос, сплошная выборка; б) в качестве основного метода в работе над материалом выступает описательный, реализующийся в приемах наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации и классификации исследуемых единиц; в) анализ макро- и микроединиц диалектной деривационной системы базируется на системном подходе к описанию диалектной речи, предполагающем как изучение собственно диалектных фактов, так и описание языковых явлений, общих для литературного языка и дон-

ских говоров; г) для выявления этнокультурного своеобразия наречий используются элементы компонентного анализа (сравнение словарных дефиниций, вычленение интегральных и дифференциальных сем) и контрастивный метод, при котором сопоставляются адвербиальные единицы различных диалектов; д) методика количественных подсчетов используется как при словообразовательной (для уточнения числа мотиваторов различной частеречной принадлежности и сферы употребления, а также частотности формантов, участвующих в образовании диалектных донских наречий), так и лексико-семантической и этнолингвокультурологической (для уточнения соотношения различных типов вариантов внутри системы казачьих говоров и типов лексических диалектизмов, а также объема отдельных ЛСГ наречий) характеристиках анализируемых слов; е) графические приемы (таблицы, диаграммы, схемы) применяются для репрезентации внутрисистемных (при описании диалектных лексем, имеющих общие и дифференциальные семантические компоненты) и внутриязыковых явлений (в ходе рассмотрения различных типов лексических диалектизмов).

Источниками материала исследования послужили:

- 1) «Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК);
- 2) первые три выпуска «Словаря донских говоров Волгоградской области» (СДГВО);
- 3) картотека «Словаря донских говоров Волгоградской области» (КСДГВО) кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета;
- 4) собственные наблюдения автора, сделанные в диалектологических экспедициях по Новоаннинскому району Волгоградской области (2006 — 2007 гг.).

Для выявления этнолингвокультурного своеобразия донских адвербиальных единиц привлекались материалы других русских говоров, зафиксированные в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ), «Мотивационном словаре наречий архангельских говоров», «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», «Словаре говоров Подмосковья» (СГП), «Ярославском областном словаре» (ЯОС).

В ходе исследования мы обращались к грамматикам и словарям современного русского литературного языка: «Грамматика современного русского литературного языка» (1970), «Русская грамматика» (1980), «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова, «Толковый словарь словообразовательных единиц русского

языка» Т. Ф. Ефремовой (ТССЕРЯ), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Словарь наречий и служебных слов русского языка» (СНиССРЯ).

Материал исследования — картотека, полученная методом сплошной выборки из перечисленных диалектных источников, включающая в себя 1052 диалектных наречия, употребляемые донскими казаками.

Научная новизна работы: впервые предпринята попытка описания лексического значения и этнокультурного содержания наречий в донских говорах с учётом тех словообразовательных средств, с помощью которых эта семантика реализована.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в разработку проблем семантики и словообразования, их взаимодействия в русских говорах. Рассмотрение диалектных наречий в качестве источника информации о жизни и быте сельских жителей, их нравах, устоях, моделях поведения, складывавшихся веками, расширяет область изучения этнолингвокультурологии.

Практическая ценность. Материал и результаты исследования могут быть использованы в курсах диалектологии, этнолингвокультурологии и словообразования русского языка, а также в спецкурсах и семинарах по региональной лингвистике, диалектной лексикологии и дериватологии, при составлении диалектных словарей и словаря духовной культуры донского казачества.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В донских говорах представлены диалектные обстоятельственные (времени и места) и определительные (количественные, качественные, наречия способа и образа действия) наречия; каждый из разрядов распадается на несколько ЛСГ, включающих в свой состав разное количество слов.

2. Отдельные донские адвербиальные слова содержат этнокультурную информацию в денотативном значении слова, характеризуя, с одной стороны, поведение казаков, их внутренние качества, эмоции, с другой — образ жизни.

3. В словарном составе донского диалекта, как и в других русских говорах, категория «наречие» занимает значительное место. На пополнение этого класса казачьих слов влияют следующие факторы: адвербиализация предложно-падежных и беспредложных форм существительных и прилагательных; возникновение вариантности внутри

диалектной системы; развитие различных типов лексических диалектизмов; функционирование архаических языковых особенностей; диалектная фразеология (ряд наречий употребляется лишь в составе фразеологизмов); влияние иноязычных систем.

4. Основная масса диалектных наречий восходит к предложно-падежным формам имени существительного. В деривационной системе диалектных донских наречий в качестве мотивирующих слов помимо имен существительных могут выступать имена прилагательные, числительные, местоимения, глаголы. Диалектные наречия в донских говорах образуются на основе как общеупотребительных, так и территориально-ограниченных слов.

5. В деривационной системе донских наречий, наряду с общеупотребительными, функционируют и специфические аффиксы. Некоторые некорневые морфемы в составе диалектных наречий, распространенных на Дону, формально совпадают с литературными аффиксами, но имеют иную, не известную современным литературным морфемам семантику или используются в образовании слов других частей речи. Отдельные словообразовательные структурные типы, участвующие в производстве диалектных донских адвербиальных лексем, обладают по сравнению с литературным языком большей частотностью.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на II Международной научной конференции «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» (Волгоград, апрель 2007 г.); Международном научно-методическом семинаре (Санкт-Петербург, ноябрь 2007 г.); Международной научной конференции «Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы» (Волгоград, октябрь 2007 г.); Международной конференции «Взаимодействие и сосуществование литературного языка и говоров русского и других славянских языков», посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Собинниковой (Воронеж, февраль 2008 г.); Всероссийском диалектологическом совещании (Санкт-Петербург, январь 2007 г.); Всероссийской научной конференции «Русское слово: литературный язык и народные говоры», посвященной 100-летию со дня рождения проф. Г. Г. Мельниченко (Ярославль, октябрь 2007 г.); межвузовских диалектологических чтениях «Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте» (Арзамас, ноябрь 2006 г.); на XIX Краеведческих чтениях, посвященных 65-летию Сталинградской битвы (Волгоград, 7—8 февраля 2008 г.); на конференциях молодых исследователей Волгоградского государственного педагогического университета (ВГПУ, ноябрь 2005, 2006,

2007 гг.) и нашли отражение в 12 публикациях (10 статьях и 2 тезисах докладов) общим объемом 4,1 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и текстовых источников, списка населенных пунктов, в которых проводился сбор информации, и приложения («Словарь донских диалектных наречий»).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определены объект и предмет диссертации, обоснованы её актуальность и научная новизна, сформулированы цель, задачи, гипотеза исследования, указаны источники и материал исследования, представлены методологическая основа и методы исследования, его теоретическая и практическая значимость, перечислены способы апробации результатов исследования, сформулированы теоретические положения, выносимые на защиту, описана структура исследования.

В первой главе «**Лексико-семантическая и этнолингвокультурологическая характеристики донских диалектных наречий**» представлена классификация адвербиальной лексики по семантическим разрядам, рассмотрены парадигматические отношения внутри лексико-семантических групп и подгрупп, выделена этнолингвокультурная специфика территориально-ограниченных слов анализируемой части речи.

В *первом параграфе* «Семантика обстоятельственных донских диалектных наречий» рассматриваются слова данной части речи, выражающие временные, пространственные, целевые и причинные отношения. За словами, характеризующими последние два типа отношений, закреплен термин «наречия обусловленности» (Евтюхин 1984). В донских говорах, как и в литературном языке, они немногочисленны: в БТСДК зафиксировано лишь 6 наречий цели: *на ёменá* 'на еду, на питание', *снарочí*, *наро́ком*, *на́рочí*, *наснаро́чки* 'нарочно', *в гостíнку**¹ 'в подарок' <*Снарачи спрасил* (Кчт.)². *Я те гаварила, он нарокам фсю грядку испаттал* Лог.). *Ты ни сирчай на ниво, он ни нара-*

¹ Здесь и далее слова, отмеченные звездочкой (*), являются многозначными в донских говорах; мы приводим только те значения, которые относятся к конкретной ЛСГ.

² Здесь и далее по тексту в круглых скобках даны в сокращении наименования населенных пунктов, алфавитный список которых представлен в приложении к диссертации.

чи так зделал (Прб.). Скольки лет ни було дитей, с раддому принесли мне внука, ну мне, как в гастинку (Кчт.)»¹; наречия причины не обнаружены, поэтому мы не можем сделать какие-либо выводы об особенностях диалектных наречий обусловленности в донских говорах. Эти языковые единицы употребляются в речи диалектоносителей значительно реже по сравнению с обстоятельственными наречиями, определяющими временные (*позанагда* '3 дня назад', *заўтра* 'завтра утром', *впёрвости* 'вначале' и т. д. — всего 149 слов) и пространственные (*пóдали* 'недалеко', *сподысподу* 'снизу', *найзволók* 'в гору' и др. — всего 137 слов) отношения.

Традиционно в научно-методической литературе для обозначения наречий, характеризующих пространственные отношения, используется термин «*наречия места*». Так в «Русской грамматике» (1980) приводятся следующие примеры: *около, внизу, далеко, влево, издалека, сверху, изнутри, издали* и др. Однако не ко всем перечисленным словам можно задать вопрос ГДЕ? Наречия, отвечающие на этот вопрос, собственно, и являются наречиями места, остальные же обозначают направление и соответствуют вопросам КУДА? ОТКУДА? Следовательно, наиболее точным является термин «*пространственные наречия*», поскольку он объединяет наречия как места, так и направления.

Вслед за Е. В. Первухиной мы дифференцируем *интерлокативные*, или ГДЕ-наречия, и *транслокативные*, или КУДА-, ОТКУДА-наречия (Первухина 2002). Разграничение наречий направления и наречий места обусловлено тем, что в речи казаков функционируют адвербиальные лексемы, совмещающие интер- и транслокативные значения. Таковы местоименное наречие *где* и его варианты *игдé, идé*, имеющие в донском диалекте помимо общеупотребительного *интерлокативного* значения 'в каком месте' и *транслокативное* значение: *Ты где ('куда') пашол?* (Кик.). *Где ('куда') он пабех* (Двн.)? Другие пространственные местоименные наречия в нашей картотеке являются либо *транслокативными* (их большинство — 39 лексем): *судьы* 'сюда', *кудьы* 'куда', *тудьы* 'туда', *отсюдоча* 'отсюда', *онтóльча* 'оттуда', *оттýль* 'оттуда' и др.), либо *интерлокативными* (12 наречий: *издéсь, тўточки, тўтось, тўтусь, тўтося, утўта* 'здесь, в этом месте', *тáмóт-ко* 'там, в том месте' и др.). Внутри неместоименных пространственных наречий количественная доминанта на стороне *интерлокативных* адвербиальных слов: *поблízности* 'поблизости', *нанизу* 'внизу', в

¹ <...> — в угловых скобках приводятся примеры употребления диалектных наречий в речи донских казаков.

горé 'вверху' и др. (всего 53 слова); 22 наречия — *транслокативные*: *сыздалькá* 'издали', *найзволóк* 'в гору' и др. То, что среди местоименных пространственных наречий преобладают наречия направления, объясняется абстрактностью их семантики; наречия же места отличаются большей конкретизацией (*в головáх* 'вверху, в верхнем конце поля', *бережéе* 'ближе к берегу') и, следовательно, мотивируются неместоименными словами.

94% обстоятельственных наречий, составляющих нашу картотеку, имеют общеупотребительные корневые морфемы. Этот факт свидетельствует о том, что представления о пространстве и времени у носителей диалекта и литературного языка во многом совпадают, хотя нами отмечены лексемы, свидетельствующие о большей детализации пространственно-временного континуума донских казаков (*верхопла́вом* 'в верхних слоях, поверху воды' — с *полводы* 'на средней глубине' — *глы́бо, глы́боко* 'глубоко'; *на прóвёсне* 'ранней весной').

Во *втором параграфе* «Семантика определительных донских диалектных наречий» анализируются диалектные донские наречия следующих семантических разрядов: 1) количественные; 2) качественные и предикативные; 3) наречия образа и способа действия.

Среди 58 **количественных** донских наречий мы разграничиваем 1) собственно количественные, или экстенсивные (Битехтина 1982), внутри которых дифференцируем а) слова, называющие определенное количество: *дво́жды, два́ча* 'дважды', *пополáм* 'вдвое'; б) лексемы, тождественные общеупотребительным эквивалентам *много* и *мало*, обозначающие неопределенное число: *завóзно** 'много', *плотóм* 'очень много'; *на малí* 'мало, немного' *мáлочко* 'очень мало'; 2) интенсивные наречия, или наречия степени: *вдовóльно* 'достаточно', *вдо́сыти* 'досыта' и др., разделенные нами также на две группы: а) предельные наречия степени, указывающие на степень приближения к наиболее полному выражению признака, на становление признака (Там же): *вовзýт* 'совсем, окончательно', *наго́л* 'целиком, совершенно', *целикá* 'целиком' и др.; б) непредельные наречия степени, дающие «градуальную характеристику полностью сложившегося признака» (Там же): *рэ́зко* 'очень', *тро́нечки* 'немного' и др.; в) наречия усилия (Апресян 1997), представленные в донских говорах многочисленными производными от разговорного варианта «*насилу*» → *наси́л, наси́льно, наси́лок, наси́лочка, наси́лочки, наси́лочкой, наси́лочку, наси́лком* 'насилу'.

В нашем материале 132 единицы относятся к разряду **качественных** наречий. Они объединяются в отдельные ЛСГ: «Психозоциональное состояние субъекта», «Физическое состояние и качества

объекта», «Пространство», «Время», «Скорость», «Оценка». Важно отметить, что одно и то же наречие может являться членом разных ЛСГ. Например, *редѹчко* 'очень редко' можно отнести в зависимости от контекста как к группе наречий, выражающих состояние временных отношений <*Пяцелки чашишы называють, редачка лягушатник* (Поп.)>, так и к наречиям, обозначающим состояние пространственных отношений <*Цвяты очинь редачка пасожыны* (Блш.)>. Одно и то же наречие может относиться не только к разным ЛСГ, но и к различным семантическим разрядам: чаще качественному или предикативному (ср.: *Лампа гарить тусминна*. (Масл.). — *На вулицы тусминна* (Н-др.)). В донских говорах многочисленны предикативные наречия (67 слов), выражающие 1) физическое и душевное состояния человека (*лоскѹтно* 'щекотно', *бѹльнѹчко* 'больно', *засѹрно* 'стыдно'); 2) состояние окружающей среды, обстановки (*погѹдно* 'солнечно, тихо', *чѹстѹчко* 'чисто, чистенько').

Наречия образа и способа действия являются в донском диалекте самыми многочисленными. В нашей картотеке из 1052 анализируемых единиц их 509. Эти наречия весьма разнообразны в лексико-семантическом плане, так как сочетают в себе качественное значение с обстоятельственным. Мы предлагаем классификацию слов этой группы в зависимости от того, с у б ъ е к т (т. е. одушевленный носитель признака/состояния, испытывающий или инициирующий действие, процесс) или о б ъ е к т (т. е. неодушевленный носитель признака/состояния, охваченный действием, процессом) характеризует наречие.

Наречия, определяющие с у б ъ е к т, составляют следующие ЛСГ: «Внешний вид человека» (*телешѹм* 'без одежды, ничем не прикрыв тело', *бисикѹми* 'босиком' и др.); «Речемыслительная деятельность» (*в гѹрстку* 'тихо, невнятно, потаясь (говорить, сказать)', *мѹлчкѹ* 'молча' и др.); «Физическая деятельность» (*запудѹм* 'вид ловли рыбы: одни ловят бреднем, другие загоняют рыбу в бредни', *в свѹл* 'способ пахоты' и др.); «Способ передвижения» (*вбѹжскѹ* 'бегом', *трѹком** 'о беге или ходьбе с подпрыгиванием', *пѹползкѹ* 'ползком', *вплынѹ* 'вплавь', *вбрѹду* 'вброд' и др.); «Статичное положение субъекта» (*стѹячѹю* 'стоя', *на чѹпочках* 'на корточках' и др.); «Состояние субъекта» (*взѹмуж* 'замуж', *напоследѹх* 'на последнем месяце беременности', *по насѹрдке* 'в сердцах' и др.); Последние 2 группы мы выделяем вслед за А. О. Глущенко (2002). Одна из самых объѹмных ЛСГ (37 единиц), характеризующих субъект, как показывает материал исследования, — это наречия, мотивированные словами, обрисовывающими внешний вид человека. Одежда — «ценнейший источник изучения истории и культуры народа, его этнического и социального развития» (Калинина 2007),

то, по чему складывается первое впечатление о человеке. В зависимости от того, какая из частей человеческого тела предстает без должного облачения, мы выделяем следующие группы наречий: 1) 'без головного убора' (*косма́ткой, раскосма́ткой* и др.), сюда же включаем микрогруппу 'прическа' (*в ро́спуск* 'о распущенных, не заплетённых в косу волосах', *в ищёточку* 'вид женской причёски'); 2) 'без одежды' (*нателеи́ну, нателя́шку* 'без всякой одежды', *нателя́и* 'на голое тело'); 3) 'без обуви' (*бисика́, бисика́ми, бисико́м, бо́сика́*). В четвертую группу объединены наречия, определяющие покроем одежды/обуви (*в забо́р** 'в сборку', *вжи́мку*, 'в складку, обтягивая ногу (о голенище сапога со складками)' и др.); в пятую — наречия, характеризующие то, как носят одежду (*напа́ишку* 'внакидку', *навы́нторь* 'навыворот', *в забо́р** 'об одежде, заправленной внутрь' и др.).

Наречия, характеризующие о б ъ е к т, в донских говорах единичны. Они обозначают: 1) физическое состояние объекта (Глушенко 2006): *нараста́вор* 'настежь', *в ро́звесь* 'жидко разведенное что-либо' и др.; 2) положение объекта в пространстве: 'в вертикальном положении' — *таркичо́м, сторччо́м*, сторчи́ком*, сторчмя́* и др.; положение под углом: *за́кось* 'наискось'.

Единицы анализируемой части речи, определяющие и о б ъ е к т, и с у б ъ е к т, в донском диалекте представлены группой слов со значениями 'вместе' — 'отдельно' <*Памидоры жу́жмай* 'кучей' *лизать* (Стч.). *Гамазам-та* 'вместе' *мы быстра с пакосам управимся* (Сир.) >.

Доминирование наречий образа и способа действия, характеризующих субъект, над наречиями этого же семантического разряда, определяющими объект, свидетельствует об антропоцентричности диалектной картины мира.

Каждый из семантических разрядов диалектных наречий распадается на несколько ЛСГ. Объем ЛСГ зависит от ряда экстралингвистических (исторических, бытовых, культурных и др.) факторов. Так, в анализируемых говорах среди качественных наречий наиболее объемными являются ЛСГ «Оценка» (*шико́зно** 'прекрасно, превосходно', *хорошо́нюшко* 'хорошенько', *морко́тно* 'плохо' и др. — всего 20 слов) и «Скорость» (*то́ропко* 'быстро', *бы́строчко* 'очень быстро', *ту́по* 'медленно' и т. д. — всего 15 слов), следовательно, понятия, вербализующиеся посредством донских слов, составляющих эти ЛСГ, весьма значимы в жизни носителей диалекта.

Слова, составляющие отдельные ЛСГ, вступают между собой в синонимические (*наско́рость, то́ропко, шаговито́, шви́дко, ре́зко* 'быстро') и антонимические (*до́бре* 'хорошо' — *морко́тно* 'плохо') отношения. Синонимы могут различаться оттенками значения (*заво́зно**

‘много’ и *крыжóm* ‘очень много’), эмоционально-экспрессивной окраской (*смáлку* и *смáлочку* ‘с детства, с малых лет’), а также признаками, положенными в основу номинации (так, в наречии в *зáвтраках* зафиксирован признак, указывающий на утренний прием пищи, а в синониме *нарáнье* отражено время суток). Некоторые синонимы имеют синтагматические ограничения: наречие *мостóm* ‘очень много’ употребляется для обозначения большого количества чего-либо, лежащего на земле <Яблак, груш многа, вышени — буря прашла, фсё мастом ляжыть (Каз.)>; для лексем *крыжóm*, *дурóm*, *силосíленно*, тождественных по семантике *мостóm*, не свойственна подобная закреплённость <Лотку рыбы крыжом навалили, на самыи барта у ваде идётъ (Стч.)>. Отмечены случаи энантиосемии внутри говоров (*онады* в значении ‘недавно’ употребляется в Ростовской области, на волгоградской же территории это слово известно в противоположном значении <Анады — давню эта была кагда-та (Кл.-П.)>).

Ряд наречий, употребляемых донскими казаками, не имеет однословных общеупотребительных эквивалентов: *всу́хи* ‘в сухом месте’, *бережéе* ‘ближе к берегу’ и др. Значения таковых лексем передаются описательно, т. е. путем замены диалектизма синтаксической единицей — словосочетанием или же целым предложением: *на далѣх* ‘удалённо от хутора’, *двоеру́чно* ‘очень быстро’; *в разгón** ‘особый способ вспашки земли с противоположных сторон к середине, при котором вспашка чередуется с холостым перегоном на другую сторону поля’ и др.

Третий параграф «Этнокультурное своеобразие донских адвербиальных лексем» посвящен выявлению этнокультурной информации, содержащейся в денотативном значении диалектного слова.

Предлагаемое сопоставление донских наречий с эквивалентами (если таковые имеются) в архангельских, рязанских, ярославских говорах, а также со словами, локализованными на территории Подмосковья, не случайно. Такое сравнение нам представляется целесообразным, поскольку, во-первых, позволяет охватить адвербиальную лексику различных диалектных регионов: севернорусского (архангельские, ярославские говоры), южнорусского (рязанские говоры) и среднерусского (говоры Подмосковья); во-вторых, в основе этого сопоставления, с одной стороны, лежит промысловая общность донских казаков и жителей Архангельска — рыболовство, а с другой — дифференциальные признаки жизни диалектоносителей (до XVIII в. казаки вели *военно-кочевой образ жизни*, а крестьяне русских селений — *осёдлый*), нашедшие непосредственное отражение в лексике анализируемых говоров.

Безусловно, не каждая из 1052 анализируемых лексем содержит этнокультурный компонент. Однако состав некоторых ЛСГ, а также наличие отдельных наречий в рассматриваемых говорах свидетельствуют об этнокультурной составляющей внутри слов анализируемой части речи. Все подобные лексемы мы распределили на 2 группы:

1) наречия, употребляемые как казаками, так и другими сельскими жителями (оппозиция «селянин — горожанин»);

2) диалектные единицы, характеризующие казаков как особый этнос (оппозиция «казак — крестьянин»).

1. Наречия, употребляемые как казаками, так и другими сельскими жителями.

Исследователи считают одним из важнейших компонентов этнического сознания представления народа о времени (Гуревич 1969; Дмитрюк 2000). В казачьем диалекте состав ЛСГ, объединяющих адвербиальные единицы, обозначающие временные промежутки в пределах суток (ср. лит. *утром, днём, вечером, ночью* и др.), совпадает в количественном аспекте с эквивалентами иных регионов (Попова 1970—1971; Попов 1983). К примеру, наречия, называющие ночное время, в донских говорах единичны: *но́чушкой* ‘ночью’, *но́чьми* ‘ночами’, *потемка́м* ‘в потемках’. По наблюдениям исследователей, обозначения промежутков ночи и в других русских говорах отражены крайне скудно. Причина в следующем: ночное время не располагает к разговорам — ночью обычно спят; очевидно, и потребность в употреблении ночных терминов невелика (Попова 1970). Зато общепотребительный вариант ‘утром’ у казаков имеет около десятка наименований: *позара́нок* ‘рано утром, спозаранку’, *зау́тром* ‘рано утром’, *у́трецом, у́тресь, у́трось, у́три, зау́тро, в за́втраках, на́ра́нье* ‘утром’, *нау́тресь* ‘наутро’, различающихся оттенками значения (*зау́тро* ‘утром’ и *зау́тром* ‘рано утром’), эмоционально-экспрессивной окраской (*у́трецом*), а также — как мы уже отмечали — признаками, положенными в основу номинации (*в за́втраках — на́ра́нье*). Этот синонимический ряд неисчерпаем в большинстве русских говоров, его составляющие образуются путём индивидуального словотворчества, по узкоместным приметам и употребляются в замкнутом коллективе (Попова 1970). Обилие в донских говорах диалектных эквивалентов со значением ‘утром’ связано, возможно, с сакральными представлениями казаков об этом временном отрезке: утро сменяет ночь, «время активного действия нечистой силы» (Власкина 2004). Отсюда и особые ласкательные номинации сакрального «благоприятного/неблагоприятного» (Там же) времени: *у́трецом* ‘утром’, *но́чушкой* ‘ночью’.

Адвербиальная лексика донского казачества обнаруживает связь не только с общерусскими, но и со славянскими представлениями. Так, волосы, по народным поверьям, обладают особой магической силой. Они — неотъемлемая составляющая многих заговоров, при проведении обрядов (родильных, свадебных, похоронных) им уделяется особое внимание. Издавна славяне верили, что непокрытые женские волосы могут принести вред людям, хозяйству, урожаю. Женщина без платка особо уязвима перед потусторонними силами, притягивает к себе опасность: так, если не носить головной убор, можно стать жертвой дворового (поверье, распространенное на Русском Севере) или волка (по представлениям поляков); болгары верили, что женщины, ходившие с непокрытой головой, после смерти превращаются в змей и т. д. Распущенные волосы считались характерным признаком женских персонажей нечистой силы: русалок, ведьм и др. (Славянская мифология 2002). В казачьей культуре также было негативное отношение к замужней женщине с распущенными волосами или непокрытой головой. Наличие/отсутствие головного убора — будь то *колтак* ‘круглая с ободочком шапочка из тонкой шелковой ткани с вышивкой или вязаная шелковая повязка, которые надевались на косы, уложенные в узел на затылке’ или *платок* — изначально регламентировало социальное положение казачки: *девушка / замужняя женщина* <Фсяда распахрыфыи хадили, а послы замужыства платок надявали (Блш.)>; *вдова* <Если муш умир, фпирёт ни хадили никагда раскрьмыши (Чрк.)>. Сегодня ношение головного убора утратило былую социальную обусловленность, однако в речи казаков наречия, характеризующие субъект с непокрытой головой, продолжают функционировать: *космáткой, раскосмáткой, раскръмыши, распокрьмыши, распокрьвыши* <Холат, касматкай ни хади. Ни хади на двор распахрыфыи, а то прастыниши (Кл.-П.). Тады ни хадили распахрымыши (Лук.)>.

В казачьем социуме по виду прически дифференцировалось семейное положение казачки: *девушка/замужняя женщина*. В БТСДК зафиксировано более десятка наименований способа укладки волос: *корзина, кулёк, закрутка, мажотка, макаронка* и др.; из них 4 лексемы содержат сему ‘замужняя’: *джут, кулёк, плетёнки, подбабошник* ‘прическа замужней женщины’. Мы не будем рассматривать существующие отличия между названными типами причёсок, поскольку отмеченные номинации являются субстантивами, отметим лишь те слова данной ЛСПГ, которые выражены наречиями: *в рóспуск* ‘о распущенных, не заплетённых в косу волосах’, *в щётчку* ‘вид женской причёски’ <Сабирали воласы на галаве и прадявали в бублик из валос или чаво-

нибуть ззади, на затылки; волосы падбяралі пад бублик і падвязывалі лентачкай — называлась *ф ічэтакку* (Мешк.)>.

Жителям Дона отчасти свойственно восприятие окружающего мира через призму общеславянских, в частности русских, представлений. Совпадение (наличие одинаковых лексем, количественный состав отдельных ЛСГ), с одной стороны, интегрирует казаков с другими диалектоносителями, а с другой — противопоставляет их городским жителям, оперирующим иными временными и прочими понятиями.

2. Наречия, характеризующие казаков как особый субэтнос.

Особый интерес вызывают лексемы, составляющие категорию «наречие», функционирование которых в донских говорах обусловлено военизированным бытом казаков. Наше внимание привлекло обилие таких наречий: а) характеризующих способ передвижения человека при помощи коня: *вѣрхи* 'верхом'; *хлюпком*, *вóхлипки*, *вóхлюптью*, *в óхлюпку*, *в óхлюпки*, *охлюпка*, *óхлюпки*, *óхлюпкой*, *óхлюпя* 'без седла (о езде верхом)'; *одвуконь* 'о езде верхом с запасным конём'; б) определяющих ход, бег лошади: *рысцой*, *рыскóм*, *рыскóй*, *рыскóю*, *рыстью*, *рысцóm*, *наврыскí*, *нарысь* 'рысью'; *труньком*, *труско*, *трусью*, *трю́чком*, *трушкóм*, *трю́пки*, *трю́пкой*, *трю́пком*, *трю́хом*, *трюшкóм* 'мелкой рысью', *трю́ком** 'мелкой рысью, рысцой'; в *намёт*, *намётом* 'галопом, очень быстро' и др. Некоторые из перечисленных выше наречий (с корнями *верх-*, *рыск-*, *трус-*, *хлюп-*) имеют однокоренные эквиваленты и в других русских говорах: рязан. — *верха́ми* 'верхом (о нескольких всадниках)', *верхомá* 'верхом', в *рыскí*, *ры́ском* 'рысью' (ССРНГ РО 1969); арханг. — *наверхóm*, *навершóm* 'верхом на лошади' (МСНАГ 1990); ярослав. — *втрусля́нку* 'мелкой рысью', *охлѣ́ню*, *óхлябь* 'верхом без седла' (ЯОС 1988). Из приведенных примеров следует, что в Рязанской, Архангельской и Ярославской областях наречия, характеризующие способ передвижения человека на лошадях и тип хода/бега самого животного, немногочисленны, а в Подмоскovie, как показывает материал, собранный автором словаря А. Ф. Ивановой (СГП 1969), полностью отсутствуют. По-видимому, количественная доминанта наречий, образующих эти ЛСГ, в донских говорах, по сравнению с другими русскими диалектами, так или иначе связана с военизированным бытом жителей Дона, с тем, что у воина-казака было особое «трепетное» отношение к лошадям: боевого коня специально выращивали в казачьем подворье, ему предназначался лучший корм, казак шел служить вместе со своим конем и никогда с ним не разлучался. Если в сознании крестьянина конь — это помощник в хозяйстве, то у казака — прежде всего самый верный и

надежный друг на поле боя, что нашло отражение в казацких пословицах и поговорках: *«Без коня казак кругом сирота. Защити коня раз, а он тебя десять раз. Казак голоден, а конь сыт. Пропал бы казак, да конь вынес. Береги коня дома, а он тебя в дороге»* (цит. по: Брысина 2003). Сам этноним казак, по одной из версий, восходит к татарскому и турецкому *гозакъ*, или *гузакъ*, 'легко вооруженный конный воин' (Иллюстрированная история казачества 1994).

Земледельческий труд долгое время не был совместим с военно-кочевым образом жизни казаков: *«Землю казаки не пахали, хлѣба не сѣяли, а жили добычей, которую брали отъ татаръ и турукъ, а позже ... хлебъ и всякій товаръ получали въ жалованье отъ государей Московскихъ... С тех пор и въ пѣсню казачью вошли слова:*

*У насъ, на Дону, живутъ не по-вашему,
Не ткуть, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ,
А хорошо живутъ...»* (Там же).

В связи с тем, что земледелие стало развиваться на Дону значительно позже, чем в других областях, в речи казаков наречия, характеризующие аграрную деятельность в донских говорах, немногочисленны.

На территориях, где занимались земледелием и скотоводством, к примеру в ярославских краях, отмечается большее количество наречий, связанных с различными циклами полевых работ. Соотношение наречий, образующих ЛСГ «Земледелие», в донских и ярославских говорах представлено в табл. 1.

Таблица 1

Тип полевых работ	Донские говоры (по данным БТСДК)	Ярославские говоры (по данным ЯОС)
Подготовка почвы	<i>В свал, в склад</i> 'способ пахоты, когда участок пахут с середины'; <i>в разбѣжку*</i> , <i>в распáх</i> , <i>в распáшку</i> 'пахать с краев к середине поля'; <i>в развáл</i> , <i>в разгón*</i> 'особый способ вспашки земли с противоположных сторон к середине, при котором вспашка чередуется с холостым перегоном на другую сторону поля'	<i>Вперекón</i> 'перекапывать гряды так, чтобы одновременно заливать предыдущие борозды, в которые предварительно положен навоз'; <i>нáмелко</i> 'очень мелко (о бороновании)'

Тип полевых работ	Донские говоры (по данным БТСДК)	Ярославские говоры (по данным ЯОС)
Посев	—	<i>Вдвурядку</i> 'в два ряда'; <i>вполгóрсти</i> 'способ рассеивания семян при посеве, когда семян недостаточно'
Жатва, молотьба	<i>Внабóйку</i> 'плотно набивая (о способе укладки сена)'; <i>наповáл</i> 'способ уборки хлеба'; <i>напря́мую</i> 'способ уборки хлеба без укладки в валки'	<i>Враскóс</i> 'косить вместе, сообща, целой группой хозяев'; <i>кóско</i> — наречие к <i>кóский</i> 'о траве, которая хорошо, легко косится'; <i>навизивí</i> 'один напротив другого (стоять во время молотьбы цепями)'; <i>внахлѣстку</i> 'укладка снопов при молотьбе, при которой снопы кладут так, что колосья одного снопа закрывают колосья другого'; <i>двойникóм</i> 'в два ряда (о снопах, поставленных для сушки: в нижнем ряду снопы ставят колосьями вверх, а в верхнем — вниз)'; <i>сыркóм</i> 'в сыром виде, без просушки (о зерновых)'; <i>сыробóем</i> 'обмолот зерновых культур без просушивания в овине'

Как видим, казаки дифференцируют три способа обработки земли (подготовки почвы); остальные этапы сельскохозяйственного труда в донском диалекте представлены меньшим числом адвербиальных лексем. Так, наречия, характеризующие посевные работы, не отражены в анализируемых нами диалектных словарях; количественный состав ЛСПГ «Жатва, молотьба» на Дону в два раза меньше, чем в говорах, охватывающих территории (одна из которых — Ярославская область), где земледелие исконно было основным источником существования.

Во второй главе «Образование наречий в донских говорах» рассматриваются пути пополнения класса слов, относящихся к лексико-грамматической категории «наречие» в донском диалекте; определяют-

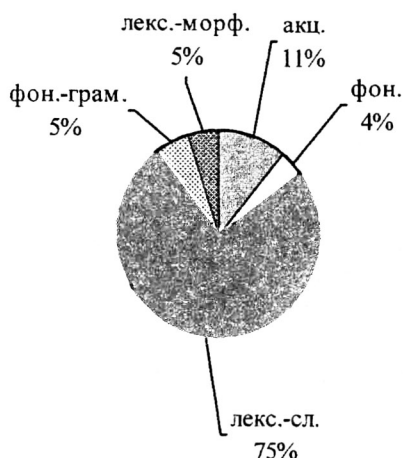
ся частеречная принадлежность и сфера употребления мотиваторов, участвующих в деривации диалектной адвербиальной лексики, а также анализируются словообразовательные способы, посредством которых образуются донские наречия.

В первом параграфе «Пути пополнения класса наречий в донском диалекте» репрезентировано 6 факторов, оказавших влияние на возникновение адвербиальных единиц в речи казаков:

1. Адвербиализация предложно-падежных и беспредложных форм диалектных и литературных имён существительных (*бáлмошь* 'дурь, блажь, глупость' → *на́балмош* 'наудачу', *тарки́ч* 'головной платок' → *таркичо́м* 'торчком' и т.д.) и общеупотребительных прилагательных (*на темную* → *натёмную* 'не видя, заочно', *на молодую* → *намолоду́* 'в период, когда в небе молодой месяц' и др.).

2. Возникновение внутри диалектной системы вариантов: акцентологических (акц.): *босика* — *босика́* 'босиком'; фонематических (фон.): *кулибердой* — *кули́бердой* 'кое-как, как попало, в беспорядке'; лексико-морфологических (лекс.-морф.): *на прóвесне* — *на прóвеснях* 'ранней весной'; лексико-словообразовательных (лекс.-сл.): *наси́лом* — *силóм* 'насильно'; фонетико-грамматических (фон.-грам.): слова *учо́ра* — *вчера́ся* 'вчера' совмещают черты трех типов вариантов: 1) фонематический, проявляющийся в чередовании начальных звуков *y//v*; 2) акцентологический (ср.: *учо́ра* — *вчера́ся*) и 3) лексико-словообразовательный (ср.: *учо́ра* — *вчера́ся*) — диалектных слов (см. диаграмму).

Типы диалектных вариантов донских наречий

Доминирование словообразовательных вариантов диалектных слов над остальными их типами свидетельствует о широкой сочетаемости мотивирующих основ с различными аффиксами: *помáлочку* — *помáлушку* ‘медленно, потихоньку’, *напослед* — *подпослед* ‘под конец’ и т. д.

3. Формирование различных типов лексических диалектизм. Среди донских адвербиальных единиц преобладают собственно лексические и лексико-словообразовательные диалектизмы, причем их количество различно у определительных и обстоятельственных наречий. 72% определительных наречий являются собственно лексическими диалектизмами (*швѣ́дко* ‘быстро, подвижно’); на втором по численности месте (12%) находятся лексико-словообразовательные диалектные слова (дон. *сла́вночко* — лит. *славно*). Среди обстоятельственных адвербиальных лексем, наоборот, преобладают (44%) лексико-словообразовательные диалектные слова (дон. *изза́ди* — лит. *сзади*); собственно лексические (*ло́нись* ‘в прошлом году’) диалектизмы внутри наречий времени, места и направления составляют 22%, что свидетельствует об общности хронотопа носителей донских говоров и литературного языка. Количество остальных типов диалектизм среди всех семантических разрядов невелико: лексико-фонематические (дон. *нѣ́дно* — лит. *нудно*; дон. *пóтим* — лит. *потом*); акцентные (дон. *запроста́* — лит. *запросто*; дон. *спѣ́рва* — лит. *сперва́*); семантические (дон. *наго́ло* ‘целиком, совершенно’ (БТСДК) — лит. *наго́ло* 1) ‘вынув из ножен (о сабле)’; 2) ‘о стрижке: до корней волос’ (МАС); дон. *посме́ртно* ‘до конца жизни’ (БТСДК) — лит. *посме́ртно* ‘после смерти’ (МАС)); смежные¹ (наречие *назѣм* ‘наземь’ является и акцентологическим (ср. дон. *назѣм* и разг. *на́земь*), и лексико-фонематическим диалектизмом (ср. диал. *назѣм* и разг. *на́зе[м]*)).

4. Функционирование архаического языкового наследия, которое проявляется как на лексическом (например, семантика донского наречия *надѣсно* ‘направо’ проявляется при сопоставлении с первоначальным значением слова *десница* — ‘правая рука’; в процессе развития языка лексема *десница* утратила дифференцирующую сему ‘правая’ и стала означать ‘рука вообще’; в толковых словарях современного русского языка данное слово маркировано пометами «поэтическое» (МАС), «старое высокое» (Ожегов 1999: 162)), так и на словообразовательном (так, суффикс *-ми* — *ночьми* — восходит к древне-

¹ Термин Е. В. Кузнецовой (Кузнецова, Е. В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Кузнецова. — Волгоград, 2005. — С. 63).

русской форме творительного падежа множественного числа существительных с основой на *-й или на согласный (Таблицы по исторической грамматике русского языка 1994)) уровне.

5. Вслед за И. А. Поповым (Попов 1983) ещё одним источником адвербиальных диалектных лексем мы считаем диалектную фразеологию: в донских говорах ряд наречий употребляется в составе фразеологических единиц (*жить впопросях* 'нищенствовать, попрошайничать'; *жить зажмурки* 1) 'не проявлять интереса к жизни, ничего не видеть вокруг себя'; 2) 'жить бездумно, беспечно'; *делать в кладку* 'делать в складчину').

6. Среди заимствований из других языков отмечены украинизмы (*зараз, дуже, трóхи* и др.) и тюркизмы (*бирюком* 'злобно, недружелюбно', *тамаром* 'все вместе, кучей' (ср.: тюрк. *тамыр* 'приятель, друг', по Фасмеру и т. п.).

Во втором параграфе «Мотивированность территориально-ограниченных адвербиальных единиц в донских говорах» дается частеречная характеристика мотиваторов донских диалектных наречий (табл. 2).

Таблица 2

Разряды наречий	Частеречная принадлежность мотивирующих слов					
	сущ.	прил.	наречие	глагол	числ.	мест.
Наречия времени	▼	■	+	-	■	▼
Пространственные	▼	-	+	-	-	+
Количественные	▼	■	+	■	■	■
Качественные	-	+	+	-	■	■
Предикативные	-	+	+	-	-	-
Наречия образа и способа действия	+	■	+	▼	■	■

Условные обозначения:

"+" --- слова данной части речи активно участвуют в производстве донских наречий;

"▼" --- производящие данной части речи мотивируют от 6 до 60 слов;

"■" --- мотиваторы данной части речи отмечены в образовании единичных наречий (до 5 слов);

"-" --- слова данной части речи не являются производящими для донских адвербиальных единиц.

Из таблицы видно, что наречия активно участвуют в образовании всех разрядов диалектных донских адverbиальных единиц. Имена существительные мотивируют темпоральные, пространственные, количественные наречия и наречия образа и способа действия. Все качественные и предикативные наречия, за редким исключением, произведены от прилагательных (*хрушко* ‘крупно’ ← *хрушкий** ‘состоящий из однородных мелких и крупных частиц (крупинок)’, *тусмено** ‘тускло, неярко’ ← *тусменный** ‘тусклый, неяркий’ и т. д.). Отмечены случаи, когда имя прилагательное мотивирует и другие разряды наречий в донских говорах, однако подобные образования единичны. Отглагольные диалектные донские наречия выявлены среди наречий способа и образа действия. Единичные глагольные мотиваторы участвуют в деривации количественных адverbиальных единиц. Имена числительные *один*, *два*, *трое* мотивируют одну из групп наречий способа и образа действия — наречия совместности (*вдвоёх*, *вдвох*, *втроёх*, *втроих* и противопоставленное им *одинёхова* ‘в одиночку’), количественные наречия *двожды*, *дв́а́ча*, а также входят в состав немногочисленных сложных диалектных наречий других разрядов: *в одночас** ‘тотчас, сразу’, *двоеручно* ‘очень быстро’, *однолично* ‘единолично’. обстоятельственные диалектные наречия места и направления (73 слова), а также времени (40) включают в свой состав местоименные корни. Количество местоименных квантитативных донских наречий (*ской*, *сколь* ‘сколько’), как и качественных (*ина́ко* ‘иначе’, *та́кто*, *та́ктось* ‘вот так, так’), незначительно. Определительное местоимение *сам* выступает в качестве первого компонента сложных наречий образа и способа в донском диалекте: *самосудно* ‘самосудом’, *всамделе* ‘действительно, на самом деле’.

Сфера употребления мотиваторов различна: общеупотребительные, разговорные, просторечные, собственно диалектные производящие. Значительная часть донских диалектных наречий а) мотивируется общеупотребительными словами (*утро* → *у́трось* ‘утром’, *вместе* → *вме́стечке* ‘вместе’, *молча* → *молча́ка* ‘молчком’ и др.) или б) образуется от собственно диалектных слов, употребляемых жителями Дона, при помощи тех словообразовательных типов, которые функционируют в системе литературного языка: к примеру, качественные наречия производятся от основ качественных прилагательных посредством суффикса -о: *швидкий* ‘быстрый’ → *швидко* ‘быстро’, *редменный* ‘редкий, разреженный’ → *ре́дменно* ‘редко, разреженно’ и т. д.

В случае отсутствия у диалектных наречий, употребляемых казаками, и общенародных, и собственно донских производящих мы счи-

таем возможным рассматривать в качестве мотиваторов диалектные слова иных южнорусских говоров (воронежских, курских, орловских, тульских и др.): воронежское *заследить* 'начать следовать' (СРНГ, вып. 11) → *заслѣдом* 'следом'; курское, орловское, тульское *ва́жский* 'тяжелый, тяжеловесный, увесистый' (СРНГ, вып. 4) → *ва́жско* 'тяжело' и др. Такая междиалектная мотивация обусловлена тем, что в основе донского диалекта лежит речь крестьян, пришедших из южнорусских губерний и составляющих значительную по численности массу переселенцев (Кудряшова 1998). Учитывая тесную лексико-семантическую связь донского диалекта с исконными южновеликорусскими говорами, мы допускаем, что лексемы, зафиксированные на территориях Воронежской, Орловской, Рязанской и др. областей, но по каким-либо причинам не вошедшие в донские диалектные словари, могут употребляться и казаками, проживающими на территории Дона.

Отмечены мотивирующие основы, имеющие более широкую, чем диалектный язык, сферу употребления, однако остающиеся за пределами литературного языка: таковы разговорные и просторечные производящие (разг. *смалу* (СНиССРЯ 2005) → *смáлку* 'с детства, с малых лет', разг. *силко́м* 'наси́льно' (Там же) → *наси́лком* 'наси́льно' и др.; прост. *трюхать* 'бежать мелкой, неторопливой рысью (о лошади)' (МАС, т. 4) → *трю́хом* 'мелкой рысью', *цели́к* 'нечто целое, нетронутое (о непаханой земле, девственном лесе и т.п.)' (МАС, т. 4) → *цели́ка* 'целиком' и др.).

В *третьем параграфе* «Способы образования донских диалектных наречий» представлены словообразовательные типы и форманты, участвующие в производстве адвербиальных слов, распространенных в казачьих хуторах и станицах Волгоградской и Ростовской областей.

В деривационной системе донских наречий, как и общеупотребительных, наиболее развиты суффиксальный и суффиксально-префиксальный способы; префиксация охватывает меньшее количество территориально-ограниченных единиц. Путем постфиксации в литературном языке образуются только местоименные неопределенные наречия (*куда-то*, *где-нибудь* и др.); в донских же говорах посредством постфиксов *-ся/-сь*, *-то*, *-ка* производятся и адвербиальные лексемы, мотивированные именами существительными и наречиями (ср.: *где* → *гдѣй-то*, *тут* → *тутусь* и *лето* → *лѣтося*; *вчера* → *вчерáсья* → *вчерáси-ка* и др.). Эти способы характерны для адвербиальных единиц, имеющих одну мотивирующую основу. Сложные наречия образуются в

результате сложения в сочетании с суффиксацией: *сухоту́-том* ‘по суше’, *верхоплаво́м* ‘в верхних слоях, поверх воды’ и др.; сложения в сочетании с префиксацией: *дюже-раздюже* ‘сильно-пресильно’, *много-размного* ‘очень много’, *бóльно-разбóльно* ‘очень сильно’; сращения в сочетании с усечением морфем: *всамделе* ‘действительно, на самом деле’, *одвуконь* ‘о езде верхом с запасным конём’ (ср.: фольклор. *змеи о трёх головах, о семи когтях, всякое дело о двух концах*), *компо́падя* ‘в игре в айданчики бить в кон как попало, любым приёмом’ (вероятно, изначально было *в кон попада*, затем под воздействием соседних лабиализованных звуков [о] и [л] *н* → *м*, а согласный *в* исчез в результате упрощения групп согласных).

Мы выделяем два типа различий в деривации донских диалектных и общеупотребительных наречий: первые связаны с понятием «словообразовательный формант» и проявляются в составе, или наборе, семантике и сочетаемости аффиксов, обслуживающих слова анализируемой нами части речи; вторые обусловлены продуктивностью словообразовательных типов.

Отсутствие письменной традиции и свобода лексических норм в говорах, в о - п е р в ы х, привели к разрушению типичной для литературного языка частеречной «закрепленности» словообразовательных формантов: так в структуру донских наречий вошли «глагольные» (*-ся/-сь, -ка, -ича*; ср. *лони* — *лони́сь, пеши* → *пешака́, потомича* — *потом* и др.) и «субстантивные» (*-ост’*-, ср.: *сызновости* — *сызнава, впервостии* — *впервые* и т. п.) аффиксы; а в о - в т о р ы х, способствовали широкой сочетаемости мотивирующих основ со словообразовательными аффиксами, в результате которой в диалекте возникли многочисленные варианты: *за́кось* — *навко́сь* — *навкося́к* — *навкоско́б* — *наискоско́й* ‘наискось’ и т. д.

Попадая в диалектную систему словообразования, общеупотребительные аффиксы не только увеличивают свой словообразовательный потенциал, участвуя в образовании как глагольной, субстантивной, так и адverbиальной лексики, но и приобретают иную семантику: постфикс *-сь* в структуре донских наречий указывает на ‘неопределенность’ (*када́сь* ‘когда-то’) или ‘отнесенность к прошлому году’ (*о́сенёсь* ‘прошлой осенью’); суффикс *-очк-* указывает на интенсивность (*быстрочко* ‘очень быстро’).

Непродуктивные в литературном языке словообразовательные типы и аффиксы в диалекте приобретают большую активность (к примеру, префикс *поза-* обнаруживается в структуре только одного общеупотребительного наречия — *позавчера* (ТССЕРЯ 2005)); в донских говорах формант *поза-* участвует в образовании и других наречий вре-

мени: *позанагды́* 'три дня назад' ← *нагды́*, *позанады́сь* 'на днях' ← *нады́сь* 'два-три дня назад', *позалётось* 'в позапрошлом году' ← *лётось* 'в прошлом году, прошлым летом'; суффикс *-ма/-мя* (*жэу́жма*, *сторчмя́*, *ёдма́*, *волочмя́*) и др.

В заключении диссертации формулируются итоговые положения, делаются выводы. Как показало проведенное исследование, лексико-грамматическая категория «наречие» в донских говорах представлена 6 семантическими разрядами, включающими в свой состав различное количество ЛСГ, объем, наполняемость которых чаще всего зависят от ряда экстралингвистических (исторического, бытового, культурного и др.) факторов. Территориально-ограниченные донские наречия обнаруживают и специфичные (свойственные только местным жителям), и общеязыковые (типичные для носителей литературного языка) особенности как на лексико-семантическом, так и словообразовательном уровне.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в список ВАК

1. Бочкарёва, Е. В. Количественные наречия: семантика и структура (на материале донских говоров) / Е. В. Бочкарёва // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. — 2008. — Вып. 1 (7). — С. 157—160 (0,3 п. л.).
2. Бочкарёва, Е. В. Категория «наречие» в донских казачьих говорах: этнолингвокультурологический и структурно-семантический аспекты / Е. В. Бочкарёва // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2008. — № 2 (26). — С. 117—122 (0,4 п. л.).

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалах научных конференций

3. Бочкарёва, Е. В. Структура наречий в донских говорах / Е. В. Бочкарёва // X региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 8—10 нояб. 2005 г.: тез. докл. Напр. 13 «Филология». — Волгоград: Перемена, 2006. — С. 137—139 (0,2 п. л.).
4. Бочкарёва, Е. В. О некоторых словообразовательных особенностях наречий в донских говорах / Е. В. Бочкарёва // Филологический поиск. Вып. 5: сб. науч. тр. / отв. ред. Г. И. Стрепетова. — Волгоград: Перемена, 2006. — С. 11—15 (0,3 п. л.).

5. Бочкарёва, Е. В. Способы образования наречий в донских говорах / Е. В. Бочкарёва // XI региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 8—11 нояб. 2006 г.: тез. докл. Напр. 13 «Филология». — Волгоград: Перемена, 2007. — С. 59—61 (0,2 п. л.).

6. Бочкарёва, Е. В. Диалектные различия в словообразовании (на материале наречий в донских говорах) / Е. В. Бочкарёва // Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте: материалы межвуз. диалект. чтений. Арзамас, 23—25 нояб. 2006 г. / отв. ред. Л. А. Климова. — Арзамас: Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — С. 27—33 (0,4 п. л.).

7. Бочкарёва, Е. В. Структура наречий образа и способа действий в донском диалекте / Е. В. Бочкарёва // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы II Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.: в 2 т. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — Т. 1. — С. 249—254 (0,4 п. л.).

8. Бочкарёва, Е. В. Диалектные наречия как источник этнолингвокультурной информации (на материале говоров донского казачества) / Е. В. Бочкарёва // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2007. — СПб.: Наука, 2007. — С. 386—392 (0,4 п. л.).

9. Бочкарёва, Е. В. Предикативные наречия в донских говорах / Е. В. Бочкарёва // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы: сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф., 10—12 окт. 2007 г. / науч. ред. Е. В. Брыкина. — Волгоград: ВГИПК РО, 2007. — С. 194—197 (0,3 п. л.).

10. Бочкарёва, Е. В. Местоименные наречия в донских говорах (структурный аспект) / Е. В. Бочкарёва // Диалектное словообразование, морфемика, морфонология: исследования и материалы. — Волгогда, 2008. — С. 33—37 (0,3 п. л.).

11. Бочкарёва, Е. В. Местоименные наречия в донских говорах / Е. В. Бочкарёва // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Г. Г. Мельниченко, 25—28 окт. 2007 г. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. — С. 79—84 (0,4 п. л.).

12. Бочкарёва, Е. В. Пространственные наречия (на материале современных донских говоров) / Е. В. Бочкарёва // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 29: в 2 ч. — Воронеж: ВГПУ, 2008. — Ч. 1. — С. 369—375 (0,5 п. л.).

БОЧКАРЁВА Елена Владимировна
НАРЕЧИЕ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ
(ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Автореферат

Подписано к печати 29.08.2008 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ 435.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

10-